

ЭДУАРД СЕВОСТЬЯНОВ

Сто страниц бреда

ПОВЕСТИ. РАССКАЗЫ

Эдуард Севостьянов

**Сто страниц бреда.
Повести. Рассказы**

«Издательские решения»

Севостьянов Э. В.

Сто страниц бреда. Повести. Рассказы / Э. В. Севостьянов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901428-3

Это часть моих произведений, написанных до 30 лет. Всё, что волновало тогда, — любовь, смерть, рок-н-ролл и остальные его составляющие... Моё безумие и попытки найти себя через слово. Было весело. Наверное за это повести получили первые премии молодым авторам.

ISBN 978-5-44-901428-3

© Севостьянов Э. В.
© Издательские решения

Содержание

«Ashes to ashes, dust to dust...»1	6
Lizard2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сто страниц бреда Повести. Рассказы

Эдуард Вячеславович Севостьянов

Иллюстратор Мария Сурайкина

© Эдуард Вячеславович Севостьянов, 2017

© Мария Сурайкина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1428-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ashes to ashes, dust to dust...»¹

Повесть

*Тем, кто всю жизнь ищет открытых дверей, а не найдя, замерзает
от холода, – посвящается...*

Не закрыли б ваши двери

Может, вены были б целы...

...Он должен был проснуться, как всегда, от звонка будильника в своей комнате, оклеенной газетами и вырезками из журналов. Но будильник не звонил... Бурная ночь предшествовала этому хмурому утру. Солнце рассердилось и закрылось тучами. Ветер пытался разогнать их, но вечные странницы столпились, как стадо баранов, и не желали подчиняться легкому южному ветерку. Деревья шелестели опадающими листьями и укоризненно покачивали ветвями.

...Он спал, спал, положив свою голову на край стула. Спал, спал с четырех часов (именно это время показывал разбитый вдребезги будильник, который тоже похож на последнего бойца «этого времени»).

В «это время» в двух кварталах отсюда шагали люди, перекидываясь резкими фразами. В доме напротив девочка будила своего плюшевого медведя, а в соседней комнате по полу бегали мыши. Мыши искали съестное, но съестным и не пахло. Зато резко запахло куревом: тот, что десять минут назад спал, встал, вытянул из пачки сигарету и затянулся, вспоминая события прошлой ночи.

...Когда все это началось? Вчера? День назад? Год? Два года? Неважно. За закрытыми окнами раздавался свист пронсящих автомобилей. Он медленно курил и думал, думал, думал...

Все началось в тот день, когда он, возвращаясь с репетиции, увидел их. Они, кажется, встречались или учились вместе, он не помнил. Помнил только их спины, медленно удаляющиеся от его жилища. Привычка узнавать людей по спинам и походке заменяла ему недостающие диоптрии. Он окликнул их. Они обернулись и с трагикомичными лицами подошли вплотную.

– Где ты шляешься? – спросила одна из них.

– Здравствуй, моя Радость, – ответил он. – Вы откуда? Наше почтение, Принцесса! Что вы здесь забыли?

– Мы вообще-то в гости к тебе: хотели твою квартирку посмотреть, ну, там, может, чаюком напоишь, – говорила Радость.

– Ну, квартирку сейчас показать не могу, а вот Хаос и Бардак, что творится в Мире до нашего прихода и прихода богов, – всегда пожалуйста... Поднимайтесь. Лифт не работает...

Впрочем, тогда ничего не было. Мило посидели, поболтали о музыке, о жизни, обо всем. Выпили ведро чаю и разошлись, договорились встретиться.

Да, ничего не было, но именно тогда он почувствовал легкий озноб и что-то дрогнуло внутри. Начался новый этап.

Всю жизнь он шел по этапам. Этап первый – детство. Он кончился тогда, когда он полез драться с мальчишками старше его на шесть лет. Этап второй – школа – кончился, как только он увлекся музыкой и поставил себя выше тех, кто его окружал. Этап третий – Первая любовь – окончилась, не успев разгореться, но те мгновения он всегда помнил. Это была всамделишная Любовь. Этап четвертый – гибель родителей. Он считал это сначала шуткой, потом нелепостью,

¹ *Пепел к пеплу, прах к праху – слова отходной католической молитвы

теперь он думал, что так надо, и он стал писать. Писать стихи. Этап пятый – его жизнь после этой встречи.

Они встретились на вечеринке, через три дня. Радость была одета во все черное. Черный мягкий свитер и черные джинсы, и черные бусы на шее. Принцесса надела мини-юбку, позволяющую рассмотреть получше ее ноги без изъязнов, и плотно обтягивающую ее тело кофточку из какой-то светлой ткани. Все украшения на ней существовали отдельно, они казались сделанными из бумаги или проволоки.

Вечеринка устраивалась общим знакомым и предполагала питье горячительных напитков, базар за жизнь, танцы и дальше «кому куда». В таких компаниях он не боялся быть немного грубее и циничнее, чем был на самом деле. Его приветствовал сам хозяин дома, подошел и протянул руку. И он отошел к группе, в которой сидели Радость и Принцесса. Слегка наклонив голову, он приветствовал Радость и повернулся, чтобы что-то сказать Принцессе, но она его перебила:

– Можешь не говорить, что я выгляжу восхитительно, мне об этом уже прожужжали все уши.

– И не собираюсь... А помада тебе не идет. Губы от нее бледнеют и никогда не будут похожи на спелую вишню... Возможно, они будут пахнуть земляникой, сливой, абрикосами, викторией, чем угодно, и сладко их будет целовать какому-нибудь счастливчику.

– А тебе хочется их поцелуя?

– Конечно...

Она поднялась, сделала шаг, ее руки легли ему на плечи, ресницы дрогнули и опустились, и губы мягко уткнулись в его. Он стоял спокойный и холодный, как статуя из льда. Губы холодные и твердые приняли, как дань, ее поцелуй. Он успел почувствовать легкий запах клубничного ликера, исходивший от нее. Она изумленно открыла глаза:

– Ты не умеешь целоваться?

– Умею, и не хуже чем ты. Но я поцелую не разбрасываю налево и направо.

– Так ты думаешь... – в ее глазах вспыхнул огонек рассерженной девочки, – ты думаешь, что я шлюха? Так? Да? Ну, говори!

– Я этого не говорил, а то, что я думаю, останется при мне. И почему ты считаешь, что шлюхи разбрасываются поцелуями? Они их дарят... за деньги.

– Ты что, настолько презираешь людей, что можешь сравнить девушку и шлюху?

– Я никого не презираю. Иисус сказал: «Возьми и кинь камень, кто без греха»... Но время от времени следует злить человека, иначе то, что внутри и зовется душой, заснет. А нет ничего хуже, чем покой. «Свободы, счастья только тот достоин, кто каждый день идет за них на бой».

– Ничего себе, повод для шуток, – встала с Принцессой Радость. – Душа – вещь серьезная. И иногда покой очень нужен этой самой душе.

– Да я уже слышал – «покой душе нужен». Тогда иди в монастырь. Ты, я, она, – он кивнул в сторону Принцессы, – устаем, только принявшись за дело. И играем в «Героев нашего времени». Нашим истерзанным душам нужен покой. Мы не боимся признаться в трусости. Но забываем о том, что должны жить, любить, радоваться по-настоящему. Радоваться каждой минуте, лучу солнца, капле вина. Может, это понимаешь, только когда потеряешь что-то очень дорогое. Да, наверное, так.

Он смолк и потянулся к бутылке вина, стоящей рядом. Взяв ее и поднеся ко рту, стал пить. Пить, не отрываясь, пока не кончилась бутылка. В это время Принцесса, гордо подняв голову, сказала:

– Это не оправдывает тебя. – И тут же: – Поцелуй меня... Пожалуйста...

– Хорошо.

Ему казалось, что он не привлекал ее к себе, а они оба, как птицы, стали рваться в небо, на мгновение соприкоснулись руками, дрожь ударила по телу своей плеткой. Тысячи картин

неслись мимо, а его губы, теперь тоже мягкие и податливые, ласкали ее. Язык, как змейка, бился в чужом рту. Впрочем, не было чужого, они были единым. В обоих горел огонь желания...

Он затаился последний раз и кинул остаток сигареты на пол.

*Мысли, как дым, —
В пустоту
Утро, как чай, —
В семь,
Каждый помнит
Весну...
Третий звонок —
Ко сну, —* прошептал он и зашлепал голыми ногами в ванную.

Зеркало выдало ему изображение парня лет 19—20, небритого, с синяком под глазом, волевым подбородком и заспанным лицом. Темные от грязи волосы были зачесаны назад, в ухе торчала серебряная серьга в виде сердца.

– Да... И не узнаешь сразу, – сказал он и включил воду.

Ванная – единственное место, обставленное почти с роскошью. Японская сантехника. Занавеска для душа. Шкаф с шампунем и дезодорантом на полочке, зубная паста и прибор для бритья «Жиллет». Черный кафель со всех сторон, даже на потолке, куда были вмонтированы лампы. Душ он любил с детства. Холодная ли, горячая ли вода – это не имело значения, главное – напор, который бьет в макушку и очищает твое «неповторимое» тело от грязи. Душ и дождь рифмуются, считал он...

Прошло полчаса, и он открыл дверь подъезда и шагнул в мир. На нем были потрепанные кожаные штаны, черная футболка с надписью «ГВСВ» и линиялая джинсовая безрукавка. Солнцезащитные очки прикрывали синяк. На левой руке был серебряный браслет-цепочка. Шею украшал медальон на длинном черном шнурке. Куда он направлялся – не знал никто, даже он сам смутно представлял, чем займется. Ноги несли его в сторону «Старого города» местной забегаловки, где за плату можно было более или менее хорошо (в зависимости от кошелька) попитаться. Свернув направо, он попал в маленький дворик пятиэтажки. Поднялся на второй этаж. Нажал на кнопку звонка и сразу же вошел.

Здесь жил Борис, друзья называли его Призраком за способность сматываться из самых запутанных и отчаянных разборок.

Не задумываясь, пошел к спальне и лишь там, немного приостановившись, постучался. Прислушался и вошел.

На него смотрел один заспанный глаз, второй еще был закрыт.

– Привет. Мне нужен «байк», – он не любил много говорить. Второй глаз открылся, а руки стали медленно, как в полусне, тянуться к джинсам.

– В левом или правом? – спросил он.

– В левом, – голос Бориса был слегка охрипший. – Бак почти полный. Дня два он мне не нужен.

– Спасибо. Потом рассчитаемся.

Профессиональным жестом актера он вытащил ключи из кармана и переправил в свой.

– Тебе ничего не нужно?

– Ничего. Вали...

Он спокойно вышел из комнаты, закрыл дверь и, подумав, включил дверной звонок...

«Байк» был знатный. Призрак долго над ним трудился и создал шедевр мотодела. Увидеть эту тачку американцу или японцу – и Бориса замучили бы иностранные фирмы своими предложениями.

Скорость. Скорость – это второе, что он любил, после душа. Нет ничего лучше, думал он, чем ветер, который треплет твои волосы, обдувает лицо и тело. Нет ничего лучше дороги, которая мчится под колесами и заставляет забыть обо всем. Ты срастаешься с байком, ты – мотокентавр.

Но сейчас белые полосы проносились мимо, не задевая его души. Он мчался только для того, чтобы мчаться, и не получал никакого удовольствия. Наконец пригород кончился, и перед ним открылись луга, бескрайние, как степи, и зеленые, как в мае.

Выглянувшее на мгновение солнце осветило эту картину. Вдалеке – просторные улицы и высотные постройки «Нового города», черные змеи дорог вытянулись по стройке, смиренно раскинув 16 стрел в разные стороны. И по одной из них, магистрали №5, мчалась серебристая точка мотоцикла. А по сторонам – изумрудная трава.

Ветряки медленно и лениво вращали лопастями, поблескивая на солнце тусклым серебром. Им не было дела до человека, до дорог. Они жили своей жизнью, ни на что не похожей и ничем не примечательной.

Он остановил мотоцикл, только город скрылся за горизонтом, вошел в траву и улегся на этой живой еще зелени...

...Ветер плевался в лицо дождем. Мелким, противным. Ночь была слишком темной. Дождь – слишком мокрым. Фонари горели вполнакала и не освещали улиц. По этой слякоти шел он, шел в темноту черных окон, в темноту человеческих душ. Поправляя время от времени ворот своей кожаной куртки, он медленно, с остановками двигался прочь от единственного светлого окна в этой темноте. Окна кладбищенской сторожки. Там жил и работал его друг, художник, звали его Федор, и он помогал Федюне устраивать выставки-презентации в своей квартире. Стены увешивались полотнами, там мало что было понятно мажору и пижону, но дети рабочих кварталов узнавали себя и своих врагов в неловком алом мазке или синем полукруге с вписанным туда квадратом.

Федюня был оплотом нового искусства и душой-человеком. Он принимал всех в свое большое сердце. Любил поговорить за бутылочкой-другой вина, мог утешить. Терпел, но не любил большие компании и раздавал свои полотна налево и направо.

Однажды он решил нарисовать Поэта. Пробившись над портретом месяца два – запил. Отказался отвечать, в чем причина, но однажды сообразил, что Поэт не умещается на холсте и что создать портрет под силу лишь великому художнику. На следующий день на него смотрел Поэт с фотокарточки, и другой, но живой, Поэт сказал:

– Рисуй отсюда, здесь я не безграничный и умещаюсь на бумагу.

На фотке был пацан лет 15 с доброй улыбкой и мягким взглядом, так не похожий на этого юношу с острыми, как лезвия, глазами и плотно сжатыми губами, с лицом, украшенным шрамами от бесчисленных боев на улице.

Через два дня Федюня прыгал от радости. Тихим шепотом он признался, что таких глаз, как у Поэта, нет во всей Вселенной.

Впрочем, стоит ли верить пьяному художнику? Философствуя, однажды он заявил:

– Глаза бывают трех типов...

Первые – это пустые и ничего не выражающие глаза. В них нет жизни.

Вторые – это глаза, похожие на воронки, они затягивают и не выпускают, нужно смотреть в самый зрачок, лишь тогда вырвешься.

Третьи – это глаза, излучающие тепло, доброту, ласку, ненависть, неприязнь. Это глаза человека, не держащего своих чувств, или влюбленного... во что угодно.

Так говорил пьяный Федюня, пропуская одну за другой папиросы и бокалы вина. И засыпая, он в полусне сказал: «У него глаза похожи на капли дождя по свежести, на капли вина по красоте букета и на мясорубку по проворачиванию душ...»

Запах трав, солоноватый, как кровь, будил что-то забытое и животное. В воздухе стоял запах приближающегося дождя. Он встал и, вдруг став на время зверем, заревел:

– Господи, научи меня ненавидеть весь мир. Научи быть похожим на каменный столб. Научи резать горло и насиловать женщин. И если ты посмеешь... Мы посмеемся после...

В воздухе раздался хлопок – еще один сверхзвуковой ушел за пределы скорости звука, и почти в то же самое время раздался грохот грома.

Он вздрогнул, а потом начал хохотать, подставив свое лицо небу. Такому низкому и похожему на бетонный туман. Он хохотал, как безумный, до изнеможения, и тогда он повалился на траву и стал рвать ее зубами, пока первые капли не застучали по его спине.

Дождь шел медленной, неторопливой походкой и ловил в свою сеть этого человека. «Сильней!», – крикнул человек. Дождь ударил со всей силой, на которую был способен. Человек вскочил на мотоцикл и «побежал» со всей скоростью, на которую был способен этот железный зверь.

Он мчался по дороге, мчался навстречу новым бедам и неудачам, победам и смерти. Ведь именно так погибали многие его друзья. Эта безумная гонка напоминала бег от самого себя, только в других масштабах.

Через полчаса он поставит мотоцикл возле четырехэтажки в Старой части. Весело рассмеется и начнет выжимать волосы. А пока черный и липкий, одновременно скользкий асфальт, колючий, как снег, дождь и пелена скорости...

... – Здравствуй, как у тебя дела? Здорова, надеюсь. Бабуль, знаешь, как я рад тебя видеть. Извини, что так долго не был. Замотался совсем.

– Здравствуй, здравствуй, родимый. Дела? Какие у меня дела? Вот кости болят, но это от старости. Ой, да ты совсем мокрый. Снимай сейчас же рубашки, я их на кухне повешу, сразу высохнут. Ба, а с глазом что? Опять, да? Вечно так, не сидится тебе.

– Ладно, бабуль, – он ласково обнял ее, – я ведь взрослый человек.

– Ох, взрослый... В народе ведь как говорят: «Большая фигура, а...»

– «...дура», слышали, слышали, но ведь в том же народе говорят: «Волков бояться – в лес не ходить».

– Ладно, ладно, умник. Ты мне лучше вот что скажи: ты сколько эти вещи не стирал? Может, постирать?

– Да ты что, а твои кости? Лучше я сам.

– Сиди ты, «я сам». Настираешь, знаем вас... Накинь вон дедов халат. А что это у тебя в кармане: фотокарточка какая-то и цепочка, забери их. А девушка ничего, у тебя с ней что-нибудь серьезное?..

Он помолчал и как-то напрягся весь.

– Не хочешь, не говори, твое дело.

Голос бабушки уплывал куда-то.

Они встретились случайно в парке. Глаза встретились, руки, как-то сразу потянулись друг к другу. Ноги двинулись без воли хозяев. Сердца забились в одном ритме с Землей.

Им не нужны были имена и не нужно было слов, они все равно ничего не поняли бы, они просто жили сейчас этой минутой, которая длилась вечность. Они сфотографировались и подписали фотографии. Он помнил, что написал ей: «Мой Ангел Смерти всегда с тобой. Прощай». А она: «Скорее забудь меня». Они улыбнулись друг другу. А потом через много-много вечностей, когда солнце уже постарело часов на шесть, он провожал ее домой. И было понятно, что они идут домой, и Вся Земля была для них домом. Они уже понимали, что не случайно встретились. И что это – больше чем судьба. Они молчали и не разговаривали. Они все

знали по глазам, по приметам, по малейшим штрихам. Да и как можно разговаривать с немой девушкой?

Они долго встречались, все так же подолгу молчали. Это была самая плотская и самая платоническая Любовь. Их взгляды были самыми лучшими ласками и, заглядывая в глаза, они любили ничуть не меньше, чем иные в постели. А потом...

Потом была ночь. Темная и теплая. Звезды мягко стелили свет им под ноги. Они шли босиком по теплому еще асфальту, как вдруг ночь крикнула зовом темноты: «Золь!» Потом еще раз: «Зо-о-оль!»

Он остановился и впервые за многие часы вспомнил свое боевое имя. Вспомнил ночные драки. Кольца света и кольца из автомобилей. Вспомнил боль выбитых пальцев и рассеченных губ. Вспомнил слова своего первого учителя – отца: «Никогда не применяй своей силы против человека, которого ты не знаешь. Сила в голове, а не в кулаке или ноге. Не дерись за деньги – это не лучший способ заработать деньги, хотя для тебя, возможно, самый легкий, ты не...» И многое другое. Вспомнил о том, что рядом с ним та, которую он Любит, и понял, что ему плевать на бои, и что он хочет счастья для нее.

– Боя не будет! – крикнул он. – Я больше не дерусь.

И это были первые слова, произнесенные при ней.

Темнота смеялась, смеялось эхо домов, смеялось звездное небо, лишь только троллейбусные провода упорно молчали, и фонарям было все до фонаря.

Потом из темноты вынырнули двое и стали медленно подходить, крутя цепями в своих могучих руках.

Он стоял и не защищался, когда его настиг первый удар. Он даже не вздрогнул, но второй удар чуть задел по платью его девушки – и куда что подевалось? Куда исчезли эти молодчики? Куда делись цепи? До сих пор загадка для темной ночи и вечных звезд...

– Ты будешь пить чай? Эй, ты меня слышишь? – сквозь железобетон воспоминаний рвалась бабушка.

Только теперь он заметил, что лежит на диване в дедовом халате, а часы сдвинули свою большую стрелку ровно на круг.

– А я смотрю, лежишь, вроде думаешь о чем-то, и не думала, что спишь. Ну, так ты чай пить будешь? Я варенье твое любимое достала...

– Да, спасибо, баб. Я сейчас, только умоюсь.

Он зашел в ванную, включил кран, ополоснул лицо холодной водой, но сон не проходил, а усталость наваливалась и уже казалась непреодолимой...

...Она заговорила после этой ночи. Сначала несмело, а потом все лучше и лучше. Но через неделю она вдруг опять замолчала. И вот письмо: «...мне стыдно, я не знаю, что мне делать. Такое ощущение, что комната кричит мне: „Ты спишь с ним!!!“ Каждая стена кричит на свой лад. А порой мне кажется, что твои глаза выколоты, и они глядят на меня со стен. Наверное, я схожу с ума...» И еще многое такое же, как открытая рана, посыпанная солью. Кто-то сказал, и теперь все. Ком, летящий с вершины гор, вызывает камнепад. И судя по письму, она теперь в гробнице этого камнепада.

Он пришел к ней, готовый биться за нее, за Мир, который она создала силой глаз.

– Люди завидуют счастливым и красивым. А мы именно такие, у нас больше счастья и удача – наша сестра. Нам легче, потому что мы от Создания Мира – одно. Любовь связала нас. Любовь лишь сможет разорвать это единое. Ты веришь мне? – так говорил он, говорил второй раз при ней, говорил, чтобы спасти Мир.

– Нет. Я не хочу так дальше. Ты жил до меня своей жизнью, живи и теперь. Но почему? Почему? Почему нельзя быть счастливой?

– Потому, что нужно хотя бы хотеть этого, – сказал он и ушел. Ушел в открытую дверь балкона... балкона первого этажа. Ушел в свет и солнце, оставив погибающий Мир в комнате, оклеенной голубыми, как это небо, обоями с желтыми, как это солнце, цветами...

...Он стряхнул с себя оцепенение и, утершись махровым полотенцем, прошлепал голыми ногами в кухню.

*Горячий чай теплых кухонь
Открытые окна души
Позабитые тайны русских
Чай дымится как облако
Облако серости рождает стих...
После теплых кухонь
Притяжение звезд
Открытые вены
Железные стены
Скорость – поезд
Переезд на тот свет...*

Переезд. Железнодорожный переезд после дождя. Ночью и днем блестят шпалы неизменным цветом стали. Только лишь старые заброшенные ветки изменили этому правилу. Вернее, для них Время изменило правила. Старые вагоны тоже изменились: полиняла краска, проржавели пружины, и колеса намертво срослись с рельсами. Им уже ничего не нужно и никто не нужен. Они сами по себе. Они хозяйева своих метров земли, шпал и рельсов...

В темноте дрогнуло красное пятнышко и начало медленно превращаться в человека, курящего сигареты и сидящего на буфере бегущего в неизвестность товарного вагона. Человек спрыгнул с буфера и превратился в девушку, одетую под парня: черная майка, джинсовые штаны и куртка. Волосы, распущенные и отданные на растерзание ветру и запахам ночи, били по плечам и отливали солнечным светом. Одним словом, это была блондинка с черным шнурком на шее, зелеными глазами и легкой походкой. Она прошла буквально десять шагов и ударила ладонью о бок старого товарного вагона. Дверь отъехала, и ночь вскрыл нож света, ударившего изнутри. Легко, как большая кошка, девушка запрыгнула на порог и легко пожала руку человеку в черной косынке и разодранных джинсах. —

– Эд, здесь? – спросила она, проходя и здороваясь с остальными людьми, находящимися внутри.

Каждый из них отвечал на рукопожатие легкой сочувственной улыбкой.

– Извини, но он тут теперь редко появляется... После того...

Девушка резко повернулась к говорящему:

– Он вас бросил?

– Нет, он приносит текст и наброски партий на кассете... Мы работаем, но без него, сама понимаешь.

– Он себя королем считает, – встрял в разговор парнишка со шрамом на плече.

– Ты не прав, Чак. Если тебе столько досталось бы, неизвестно еще, чем бы ты стал, а он – молодец... Он ныряет до глубины, из которой не выплывают. И еще до сих пор жив...

– У вас новый сленг? – спросила девушка. – Что значит «ныряет»? Что значит «не вынырнуть»? Объясните-ка.

– Да тут такое дело, – с места поднялся малый с длинными, вьющимися волосами и золотой цепью на шее. – Приблудного Алекса помнишь? Так вот, он сказал, что люди искусства –

это как ныряльщики. Но некоторые ныряют слишком глубоко, и у Эда такая крейза, что он может не вынырнуть. Вот так вот. И еще...

– И еще быстро схватил гитару и поехали, «время ценно, время в цене».

На пороге стоял Поэт с легкой, мученической улыбкой. Волосы его были перетянуты яркой полоской ткани, и от этого лицо, и без того узкое, казалось источено неведомой болезнью.

Быстро поздоровавшись со всеми, он включил «аппарат», отстроил микрофон и свою гитару, взял пару кассет и довольно сказал:

– Публика – в зал, музыканты – на сцену. Концерт для ночного города без фортепиано и оркестра.

– Что петь будем? – поинтересовался тот самый человек в черной косынке и рваных джинсах, теперь у него на шее висела бас-гитара.

– Спокойно, Франк. Это новая песня. Наворотим что-нибудь сходу, а потом стареньких штук пять вспомним и опять новые. Включи маг, Чак... Все, начали!

*Время ценно и время в цене.
Дождь настигает тех,
Кто заснул на дороге и в вечном пути
Черной тенью в разрушенный храм
Молния бьет,
Высекая искры
Из холодных стен. Флажок упал.
Сталь серебрит, и вместо солнца
На небе – дыра,
А за ней видна кровь
Упущенных снов.
Азарт погони режет тебя
Поперек
Цепи вдвоем
Теперь одиноком,
А тело – в поток
И не слушаешь крик,
Бошшься за миг
Время ценно и время в цене
Ухоженных рук, намаженных ртов
Вязкая слюна поцелуев
Осталась на мне...*

Этот вопль заставил девушку вынуть сигарету и закурить...

...Они познакомились, когда солнце коснулось розовым лучом крыш. Она сбежала из дома, и он взял ее с собой. Познакомил с людьми из вагона, потом они долго шли по ночному городу в поисках Федюни, который оказался на вечеринке, которую давала опять же знакомая Поэта, и все присутствующие долго упрашивали его что-нибудь спеть. Тогда он пел:

*Пьяные рыла в пуху
Прошлогодней листвы
Продажные люди
Опять пьют портвейн,
Черные ночи*

*Слишком для них хороши.
Сейчас будет драка,
И кто-то нарвется на нож.*

*Хозяйка продажна всем
И дает она всем,
Как ветер, что дарит
Бесплатно афиши и листья.
А осень смывает следы
От плевков в душе.
Я задыхаюсь в паутине
Прошедших дней...*

И внутри что-то пело, и хотелось плакать. А потом они с Федюней долго смеялись и ушли, позабыв ее в гостях, как игрушку. Но она сама побежала за ними, и они сидели у кладбища и пили чай с ликером, и она понимала, что это Любовь, и прижималась к нему, а он не обращал на нее внимания. А потом перед утренней зарей на площади она призналась ему в любви и закрыла глаза и сжалась, точно ожидая удара, а он обнял ее за плечи и сказал: «Пойдем. Нам нужно хорошо выспаться». И поцеловал ее... в лоб... так, как целуют покойников. Но не прогнал, не ударил, не высмеял.

Вместе они жили около месяца, и она была счастлива. Никто ею не командовал. Рядом был «старший брат», так она его называла, который помогал. Были разные люди. Были умные люди, и была свобода.

А потом что-то случилось. «Брат» стал пить. Ни на кого не реагировал. Люди говорили разное: и про неудачную любовь, и про проблемы с «уличными бойцами», и про наркотики. Доходило даже до абсурда: кто-то додумался, что у него «амнезия». Да, он ничего не помнил, никого не узнавал и ничего не делал, кроме того, что пил и смотрел на обклеенную газетами стену. Но это не амнезия. А однажды в ярости он вышвырнул всех за дверь, закрылся внутри, и что там происходило – непонятно. Его видели недели через две живым скелетом с впавшими глазами и сильно осунувшимся лицом.

А теперь он пел, яростно перебирая струны и крича в ночь о том, что:

*Усталость, как ком,
Что стоит у горла.
Вниз
Дернуть ворот
Отживших времен, свободней дышать
Пожар, горящий в мозгу, —
Это лишь повод
Для ран,
Бьющих в сердце
И рвущих плоть.
На руках теперь облака.
Скальпель свободы
Отнимет последних
Друзей
И кинет в пропасть твой Колизей,
И арена опять – твоя
Мы вместе кричим,*

*Но один защищает только себя,
Одинок, как пастух,
Собирающий звезды
Вслух,
И не умеет считать
Ложью все то,
Чем довольны все...
Где я сейчас? Где я сейчас? На дне...
В этих колодцах – одна
Темнота.
Рваные сны
И потемки души
Безнадежно стары.
Выход один:
Он меньше, чем смерть,
Он больше, чем сон.
Длиннее всего
Говорить
У раскрашенных стен
Но где мне набрать
Такое количество вен?
Где мне набрать
Такое количество рук?
Где мне набрать
Ума для всех святых?
Где мне искать?
Я и так из глубин
Рвался вверх...*

И так долго, долго, убивая жалость к себе и вознося Смерть. Петь он заканчивал один, все стояли, опустив головы. А Чак, «самый молодой», как-то уж очень нервно тянул папиросу за папиросой. Поломанный и срывающийся голос бил по нервам, рисуя все картины. Но там была лишь пустота окна, глядящего в ночь и закрашенного черным изнутри.

Вдруг он резко ударил по струнам и завершил песню каким-то пассажем. Внутри что-то лопнуло, оборвалось, застыло... Кончилась жизнь, и в лицо ударили краски Мира, краски Смерти.

*...Солнце и Смерть —
Теперь одно и то же,
Чертовы сказки
О бессмертных душах!
Вдумайся —
И уходи туда,
Где тебя ждут...
Где тебя ждут?*

– Ну, хорошо, сегодня нерабочее настроение. Ребята, несите, что у вас там есть... Нужно отметить. Слышите: «Отмечай уходящий день».

*Отмечай уходящий день,
Отмечай уходящий час,
Отмечай уходящий миг.
Мир дарит всё это, один
Мир дарит всё это одним
Из нас.*

Но никто не двинулся с места. Все тупо смотрели в пол и привыкали видеть все иначе.

Лента на магнитофоне кончилась и теперь, шурша, прокручивалась, разбрасывая «галактику». Первым очнулся Чак. Потом Франк, Ротти, Дилан. Не сговариваясь, переглянулись и, выпрыгнув из вагона, побежали в ту сторону, в которой мог скрыться Эд.

Девушка лежала на полу без признаков жизни минут десять, потом встала и закрыла дверь вагончика, легла на диван...

...Он медленно шел по шпалам, пока вдруг сзади не показались огоньки. Дождавшись, он прыгнул и повис на каком-то крюке, нашел опору для ног, вытащил из пачки последнюю сигарету с фильтром, закурил ее, а потом бросил в придорожную траву.

Теперь он направлялся к дому Сиротки. Так звали девушку, которая была беззащитна, словно овечка, но красива до королевского звания. Как всегда, память его не подвела, и в доме вечеринка разгорелась на славу. Он вошел без звонка и стука. Нашел среди гостей неприязненный взгляд Радости, ответил на него улыбкой. Подошел к хозяйке дома, что-то шепнул ей, отчего та засмеялась, и плюхнулся в мягкое, потертое, кожаное кресло, вытянув свои длинные ноги до середины комнаты, и заснул.

Прошло ровно три четверти часа, в вагончике очнулась девушка, а в комнате Сиротки открыл один глаз Поэт и очень удивился, что у него нет очков на глазах, что ноги босы, а сам он лежит в темной комнате с окнами на стройку, на мягкой широкой раскладушке. Нашарив рукой шузы и стекла и приведя себя в порядок, насколько это можно в темноте, он попытался найти дверь...

...В вагончик вернулись ребята и молча уселись за столом, достав бутылку вина.

– За тех... кто не вынырнул... – сказал Франк осипшим от напряжения голосом.

И все молча выпили, а потом Чак поставил ленту этого вечера сначала.

...Федюне показалось, что сейчас что-то случится в его жизни, и он вышел на крыльцо и уставился в небо. Где-то в вышине запульсировал огонек звезды и тут же погас.

А над кладбищем тихо шелестел листвою ветер, сбрасывая на землю последние капли дождя...

И ничего не случилось.

А в той комнате сидел Поэт. Сидел на подоконнике и тупо смотрел на стекло, а мысли его были далеко, и вдруг стены расступились, и он увидел самого себя, идущего по улице. Вдруг, резко обернувшись, он смотрит на дом позади и бежит к нему...

Подвал. Девочка лет 12 кричит от ужаса, уставившись на три человеческие фигуры, застывшие в неестественных позах. Одна из них, молодая женщина, вдруг начинает двигаться...

...Потом он сидит у кирпичной стены и курит. По щекам катятся слезы, а в руках листок с какими-то каракулями, в которых можно прочесть: «Скорее забудь меня». Буквы уже становятся коричневыми, высыхая на солнце...

...Потом он один в своей комнате. Водит бритвой по шершавому подбородку в полном отупении, держа в руках листок с высохшими, написанными кровью словами, и изображение двоится...

...Все произошло слишком быстро. После того вечернего поцелуя с Принцессой он стал избегать ее, а однажды, встретив на улице, просто прошел и не заметил. Ночью, когда он возвращался домой, в подъезде была она.

В беспорядке мыслей и разбросанных бумаг они соединились, чтобы никогда больше не встретиться в этом мире. Он просил Любовь, но получил плоть. Утром Принцесса ушла, а он стал мучиться, надрыв был внутри... Он вдруг увидел свое сердце, даже нет, это было не Сердце, а мир. Оно медленно пульсировало и давало жить сотням тысяч. Людей? Пожалуй, нет. Неизвестно кому. Но чувствовал: «они» живут его теплом. И если Сердце остановится, то погибнут все, а если умрет один из «них», то ничего не произойдет...

Картина сменилась. Теперь он видел Мозг и бегущие с двух сторон разряды. Они вспыхивали огоньками сигарет, приближаясь к Центру, и вот-вот должны были встретиться и уничтожить Мозг. Теперь он понял, что – пора, и вскрыл... окном духоту комнаты. Внизу под ним была бездна...

...«Внутри что-то сломалось и образовалась Пустота. Со всех сторон Космос, и в глазах многих Безразличие. «Каждая душа – это закрытая дверь, я, как странник, стучу в эту дверь, и та, что откроется и примет меня, получит в сто крат, – говорил Господь. Я тоже как странник, стучал в двери их душ, но никто не открыл дверь и не сказал радостно: «Войди и согрейся, укройся от ветра и стужи. Мой дом – твой дом». Никто не принял меня полностью: ни те, что делили со мной постель, ни те, что ели мой хлеб, ни те, что бились со мной вместе. Их двери захлопнуты, и иногда мне кажется – за этими дверьми трупы. Господь, ты не примешь меня, но зимой на холодном ветру так долго не выдержит никто, поэтому прости, я замерзаю...»

...На полу образовалась маленькая лужица крови, постепенно разрастаясь, она приняла в свою утробу раскореженную оправу и остатки битого стекла очков.

Ветер сорвал последнюю одежду, и окоченевший труп покрылся инеем.

P.S.

*Кровью глаз своих
Свети упавшим в бездну лжи,
Пусть пророк восстанет
Из пропасти*

Не режьте вены – это самообман, что там кончается все. Жизнь интересна не только мертвым. Мерзни и учись наслаждаться этим. Открой свою дверь, ведь кто-то стучится, отвлекись от себя и прислушайся, не слышно ли стука... Нет, это просто деревья стучат в окна спящих домов с закрытыми на засов дверьми...

*Не закрыли б ваши двери,
Может, вены были б целы...*

*Апрель-май 1993 г.
Саранск*

Lizard²

За открывшейся дверью пустота.

Это значит, что кто-то

Пришел за тобой...

Егор Летов

Вначале ничего не было... то есть совсем ничего, как вечером после десяти, только сон.

По пустынной улице шел парень, наступая тяжелыми башмаками на траву битых бутылок. Одет он был несколько необычно. Куртка из кожи, черной, с длинными рукавами, но недостающая до пояса на добрых пятнадцать сантиметров, черный пуловер, голубые джинсы. И это летом, при плюс двадцати пяти!

Он надвигался подобно ветру, порывисто, казалось, он не идет, а играет со своей тенью.

Глаза закрывали темные очки, а на шее болтался какой-то клык. Тяжелый подбородок оброс трехдневной щетиной. Черные выющиеся волосы падали на плечи. Рот чуть приоткрыт, в уголке губ торчит сигарета.

Он остановился, прервав свою игру с тенью, выплюнул окурочек, а тот ударился о землю, раскинув созвездие искр. Я мог его видеть, но расстояние было достаточно велико. Но каждую ночь он приближался, и вот однажды...

Был солнечный июльский день. Я сидел, как всегда, во дворе дома на скамейке, потягивая портвейн из нагретой солнцем бутылки. Вдруг что-то изменилось так внезапно, что нельзя было сказать, что именно, но небо словно вздрогнуло, зашевелилось голубым одеялом над головой... и тут я заметил, что вдалеке бежит человек, вернее, не бежит, а... ну, словно его ветром несет. Ближе, ближе, ближе, и уже можно рассмотреть голубые джинсы, укороченную кожаную куртку. «клык» на шее. Слышно, как хрустит под ногами трава бутылочного стекла, и самое странное – он, как и во сне, создавал впечатление надвигающегося Чего-то.

На этот раз он подошел вплотную и сказал:

– Лизард, – и протянул руку. Рука оказалась крепкой, но не мозолистой, как у отца. Мне тоже захотелось назваться, но он перебил меня:

– Ты знаешь, мир – он как женщина. Надо его полюбить и доказать свою Любовь. Тогда он тоже полюбит тебя...

Возникла пауза, во время которой Лизард вытащил сигарету, размял ее, прикурил, жадно втягивая дым. Потом взял мой портвейн и сделал добрый глоток, настолько добрый, что бутылка подмигнула мне своим доньшком.

– А еще я думаю, тебе стоит побродить со мной – после этой фразы, он допил остаток и вернул мне бутылку.

– Ну, что сидим, пойдем...

Все вокруг изменилось. Мир, казалось, затихший, вдруг обрушился, словно волна, на барабанные перепонки всей тяжестью своих децибел. В мозгу стали шуршать перфоленты образов, рождая самые немыслимые сочетания, а Лизард шел вперед под скалистые уступы высоток.

– Эй, ты что? Заснул, что ли? – Лизард остановился и ждал меня шагах в двадцати.

Я сглотнул и попробовал что-то сказать, но из горла вырвался хрип.

– А... все... понял, – он подошел вплотную, – не привык, да? Ну, ничего, потихоньку-полегоньку.

² Lizard – ящерица, ящер (англ.)

Слова его, казалось, обладали какой-то силой. Я приходил в себя, словно ныряльщик, который слишком долго был под водой, сердце бешено стучало, в глазах прыгали золотистыми рыбками искры.

– На, закури, – он достал пачку каких-то странных сигарет, длинных, тонких, со слабым запахом лимона.

Я с благодарностью кивнул и полез за спичками, но тут мне в голову пришло, что сам он курил другие сигареты, обычные, скорее всего JPS. Я затаился, в голову проник туман никотина и еще чего-то, сразу облегчающего.

– *«Под синим небом
Облака марихуановых грез.
Трехногий пес брошен ребенком
В пасть возраста...»*

– Почему трехногий? – спросил я, рассмеявшись. Весь мир был теперь смешным и покачивающимся.

– Потому что велосипед трехколесный.

Я стал хохотать и вдруг увидел, что изо рта идет пар, а при каждом звуке этот пар меняет цвет. Это раззадорило меня еще больше. Хохот рвался фонтаном из легких, а Лизард превратился в ящерку и прыгнул ко мне в карман.

– Я знаю эту игру

Нужно тайком пробраться в мозг,

Ползком проползти в город Безумия, – зашептал он мне в ухо...

Похоже, улица раздвинулась или свернулась в узкую щель темного окна кухни с тремя свечами, стоящими на подоконнике между цветов. Пьяный бородатый мужик спрашивал меня, впрочем, не надеясь на ответ:

– Ты меня понимаешь?

Я кивал и пытался сосредоточиться на пляшущих фигурках свечей. Откуда-то издалека доносился знакомый голос:

– Да пойми ты, не надо делать никаких революций, бунтов, будь они молодежные или какие. Не в этом цель жизни.

– Тогда в чем? – было ясно, что говорит девушка.

Голос Лизарда потеплел, и стало вдруг видно, как солнце поднимается в степи.

– Цель – идти до горизонта, чтобы узнавать себя, других, а главное – то, что вокруг и внутри тебя, и лишь тогда ты будешь жить...

– Знаешь, в одном кургане нашли старинный пояс... Так вот, надпись на нем гласила: «Живу, чтобы узнавать, узнаю, чтобы идти, иду, чтобы жить». Все время нужно искать, искать самого себя, – он резко замолчал и посмотрел на меня. Я почувствовал этот взгляд, тяжелый, острый и в то же время нежный.

– Мой друг пришел в себя, – сказал он, и в голосе зажурчала ирония, а меня будто поставили под холодный душ. Свечи на окне наконец-то соединились в одну. Я потихоньку улыбнулся и хотел было посмотреть, с кем разговаривает Лизард, но он не дал мне этого сделать.

– Пойдем, нам некогда рассиживаться. Спасибо, господа. Вечер был очень насыщенным.

«Бородатый» пытался что-то сказать, но словно вырубился на секунду, потеряв ориентир, повалился на стул. Лизард подмигнул мне и пропустил вперед, потом что-то зашептал, послышался легкий девичий смех, а я увидел, что из темноты коридора на меня надвигается человек. Возникло желание пропустить его, что я с удовольствием и сделал бы, если бы тот, другой, не сделал то же самое.

*Зеркальные души
Душат. Тс-с-с-с
Только молчок.*

Лизард стоял рядом и потихоньку подталкивал к двери, позади него помигивала свеча, освещая бледное лицо девушки с черными (или карими?) глазами, с чуть припухшими веками и темными губами. Волосы были темно-русые и струились куда-то за плечи. На своем веку я повидал девушек достаточно, но эта сразу запала в душу. Было в ней что-то такое, что... Мысли оборвались, и я даже не заметил, как мы вышли из квартиры.

– Теперь к воде, – завопил мой новый знакомый, будя шагами эхо, и помчался куда-то в сторону. Я еле поспевал за ним.

Мы мчались, словно два метеора, проскакивая желтые огни еще не спящих окон, пока, наконец, не уткнулись носами ботинок в теплые объятия озера.

– Снова выюжит, – сказал Лизард, поднимая ворот куртки и отбрасывая назад волосы, похожие сейчас на огромное крыло.

– Ты что? Ведь сейчас лето, какая может быть выюга?.. – но не договорил, твердая рука закрыла мой рот.

– Смотри, – зашептал он, – да нет, вон туда, – и указал рукой на гладь воды.

Ветер гнал волну, звезды отражались в воде и блекли рядом с лунной дорожкой. И тут я заметил, что барашки, снимаемые ветром (так большая ложка снимает пенку накипи), взвиваются вверх мелкими россыпями, искрящимися в лунном свете, словно снежинки.

Я стоял замороженный, не было слов, чтобы сказать хоть что-то, хотелось только смотреть. Из этого оцепенения меня вывела фраза, донесшаяся откуда-то издалека: «Завтра у старой церкви...» Вот теперь я удивился – Лизарда не было рядом, а голос был явно его. Передо мной встала новая загадка...

...Среди багрового безумия горящих балок метался юноша, в котором я узнал себя. Стекло восковыми слезами падало на язык пламени, стелющийся по полу. Среди всего этого безумия стояли старинные часы и громко били, отсчитывая драгоценное время сна.

Лизард поставил меня перед новой задачей. Дело в том, что у нас в городе было три церкви, но какая из них – старая, я не знал. Пришлось идти наугад.

Утро было веселое и беззаботное. Солнце ласково шлепало по головам прохожих и делало отражатели из круглых лысых голов деловых мужчин. Возле церкви, старой и потрескавшейся, словно изъеденной морщинами, еще никого не было, даже бомжей, даже нищенков. Я сел на паперть и стал рассматривать небольшие здания вокруг и прохожих. В принципе, меня все это забавляло.

Неподалеку, на детской площадке, резвились «детеныши». Один из них играл с солнечным зайчиком, пуская того в мои глаза, а я лишь улыбался этому карапузу. Потом вдруг неведомая сила толкнула меня к этим еще не твердо стоящим на ногах и всему верящим существам. Мы вместе соорудили замок и хотели было строить навесной мост, когда я услышал знакомый тихий голос, который напевал что-то под гитару.

На моем месте сидел Лизард. Глаза его искрились, словно шампанское при свечах. А он, не замечая моего взгляда, пел:

*«Зачахнет мое дитя,
Вернувшись в небо,
Спрячет пружинку
Своей веселости.
Солнце не встанет больше,
Мир не станет меньше,*

*Просто он вырос,
Просто я проклят...»*

Струна взвизгнула от резкого «подъезда». Он поднялся и подошел ко мне. Кивнул детям, как старым знакомым, и те, насторожившись было, вновь занялись крепостью. Он протянул гитару мне и сказал: «Теперь ты спой свою песню». Руки вдруг стали влажными и липкими, пальцы судорожно сжались, голос охрип.

– Я не могу петь.

– Сможешь.

– Я не пишу песен.

– Напишешь, – он помолчал, – хотя это не так просто.

Насильно выучить меня чему-либо невозможно, но, обняв изгибы гитары, пальцы вдруг сами пробежали по струнам, погладили гриф, неловкость исчезла. На слух я нашел третий лад, зажав первую струну... И тут случилось... «чудо»? Нет, это нельзя назвать так. Просто в голове промчались тысячи обрывков, складываясь в мозаику из моей жизни, и... и случилось:

*«Нет, я не падаю вниз,
Слишком поздно.
В горящем огне фонарей
Потерялся мой мир.
Потерялось ощущение детства
В очередной драке...»*

Тут я запнулся, потому что Лизард ухохатывался у меня над ухом. Прослезившись, он сказал:

– Следи за тем, чтобы форма совпадала с содержанием, – и, закрыв глаза, принялся напевать:

*«Под маковкой две горлицы. Их ищут, ищут, ищут,
И солнечные зайчики Все бегают кругом.
А рядом ходят люди. И ищут, ищут, ищут.
Себя в своих знакомых. И в небе голубом...»*

– Видишь, глупая песенка, но и мотив, и суть понятны, и нет «воды». Идем дальше...

В тот вечер я сам не свой сел за гитару, издавал разные звуки, искал верные, искал смысл... Но вот пришла ночь. Заскрипели половицы и старые шкафы, выпуская пыль из ноздрей-ящичков. Зажглась над головой лампочка, мигнула и погасла, я достал свечу, зажег ее, и она стала плакать. Гитара стояла в углу и тихонько скрипела струнами от сквозняков. Белый лист передо мной был беззащитен и прост...

*Пыльные ночи кружат душу на кухне,
Кто меня слышит, если
пыльные вещи
Нас окружают серой,
обыденной жизнью.*

«Пыльные ночи»... Я удивился, что это возникло из ниоткуда, словно проявилось на листе.

*Пыльные ночи, огонь догорает на свечке.
Ружейное дуло небом нависло над миром.
Звезды ведут меня —
Сквозь пыльные ночи.
Я потерялся, я один затерялся в лицах.
Все из холодного ливня.
Я затерялся ночью в старой шахте
Пыльной ночи.
Пыльные ночи – бумажные птицы – в небе,
Прыгаю вверх, просыпаюсь на старом диване.
Плачет будильник,
Рассвет воюет с ветром —
Пыльные ночи, черт с вами.*

Гитара, казалось, сама прыгнула мне в руки. Судя по ритму написанного, это должно было звучать жестко, почти без мелодии. И вот через полчаса родилась песня...

...Лизард сидел у фонтана, перелистывая старые «осенние» листы книги. Солнце уходило вслед за луной, по щекам Лизарда, словно слезы, катились капельки воды. Волосы сплелись в затейливый клубок. Чем-то, именно сейчас, он был похож на греющуюся под солнцем ящерицу. Его кожа словно вбирала в себя последнее тепло солнца и становилась багровой. На секунду он забылся, и ветер взялся перебирать страницы, беспечно пролистывать их, а временами, словно задумавшись, разглядывал вязь мелкого неразборчивого почерка. Над страницами иногда взлетали пыль или пепел от сигареты, разбуженные вторжением.

Ветру вскоре наскучила эта игра, и он стал заигрывать с листвой на верхушках деревьев и юбками девушек. Как-то нечаянно тени посветлели и вытянулись, словно захотели сбежать. Пришел вечер и ласково обнял всех за плечи теплом остывающего дня. Листва потемнела и будто вздохнула после изнуряющей жары и вечной жажды. Где-то вдалеке башенные часы стали бить в колокол. Ударив раз, они раздумывали, а может, наслаждались чистотой звука. На темно-голубом небе, словно нерастаявший снег, белел серп луны, а может быть, он был похож на причудливо изогнувшееся облако.

Люди молчали, оберегая тишину, будто в этой тишине заключалось их счастье.

Цветы прятали свои пестики и тычинки от наступающей ночной прохлады.

Струи фонтана окрасились в разные цвета – включилась подсветка, сумерки заискрились, словно неоновая вывеска.

Все вокруг было по-прежнему, только Лизард будто растаял в воздухе, а «тетрадь» вспорхнула своими страницами-крыльями и растаяла в воде...

...Утром с моего календаря облетел еще один лист, за окном раздался собачий лай и зазвонил телефон, стоящий в изголовье.

– Алло... Слушаю... Говорите... – произнес я, но человек на другом конце провода не захотел вести беседу о прелестях утра, и мембрана, подтверждая мои мысли, загукала: «У-гу-уу, у-гу-уу, у-гу-уу». Разговаривать с мембраной можно, но скучно, как с человеком, который все время поддакивает, и я не стал терять на это время.

Быстро перебрав в уме людей, с которыми можно было бы поговорить в столь ранний час, и не найдя таковых, я откинулся на подушку и задумался. Четких мыслей не было, но вертелись они вокруг незнакомки с темно-русскими волосами. Мне вдруг страстно захотелось ее увидеть...

На сцене творился бардак. Три старика без конца курили трубки и вели беседу о малосвященных между собой вещах. В левом верхнем углу висел веселый висельник, время от времени открывал правый глаз, подмигивал, высовывал язык, беспомощно покачивая конечностями, разворачивался спиной. На заднике было нечто неопределенное. По сцене ходил молодой чело-

век в джинсовке, раздавая налево и направо сигареты, вел он речь о превратностях Большого мира и нележкой судьбе Мага. У его ног крутились какие-то шары, они пищали о чем-то своем. В правом углу девушка держала под руку парня, наряженного почему-то в костюм льва, а перед сценой сидел молодой человек с гитарой. Лицо его скрывала тень, и он то напевал гребенщико-ковскую «Камни в холодной воде», то просто наигрывал какую-то мелодию. Потом он медленно поднялся с места и взошел на сцену. Сделав проходку, исчез в левой кулисе. Все актеры проводили его взглядами, даже висельник открыл оба глаза. Сцена осветилась голубоватым светом, и все растаяло, словно сон...

Когда в зале зажегся свет, сцена оказалась пустой и запыленной. Я так и не смог понять: было это наяву или пригрезилась вся эта шизоидная постановка по «Роману, который никогда не будет окончен» Бориса Гребенщикова. Я заплотировал и попытался выйти, но ноги отказывались, пришлось закурить и попробовать прийти в себя, как вдруг, откуда ни возьмись, в лицо ударил солнечный луч, заворковали голуби, а потом будто крышу снесло ветром, поднявшим клубы пыли. Ветер гулял по помещению, и через некоторое время я с трудом мог видеть собственные ноги. А пыль все клубилась и клубилась, забивая нос, рот, уши, глаза...

...На кухне монотонно бубнило радио, с разных сторон из-за стен слышались голоса, топанье и хлопанье дверей. Люди уже проснулись и готовились исчезнуть в новом дне, словно фантомы, чтобы обрести свою плоть ближе к вечеру, перед голубыми экранами с вечными мыльными операми. Вытянув сигарету, я закурил и испытал легкое головокружение, пытаюсь осмыслить сон или грезы, навеянные утренним звонком. Страхивая пепел, я снова прожег простыню. Тысячу раз хотел я отказаться от привычки курить в постели и в тысячу первый давал себе обещание бросить делать это с завтрашнего утра.

Глядя, как обуглились края «раны» на простыне, я обдумывал бредовую идею съездить в театр и попробовать отыскать незнакомку там, но июль – время гастролей, значит, нужно найти другой, молодежный театр. Где-то в газетах было объявление насчет премьеры, которая состоится то ли в апреле, то ли в мае, а вот место почему-то я забыл. Но наверняка в каком-либо ДК.

Что ж, день начинался хорошо. Я сладко потянулся, зевнул и подошел к окну.

Город плавился и утопал в жаре. Не спасала даже тень, в ней, наверное, было жарче. Ветер был жгучим, как горячий фен или струя газа, выбрасываемая пьез-зажигалкой с «турбоподдувом». Казалось, прикуривать можно было от камней, впрочем, на них, если кто догадается, можно было бы печь, варить, жарить. Было душно. Постоянно хотелось пить, пробивал пот, даже листва пожухла от яростной атаки солнца.

В городе имелось шесть ДК. и два молодежных центра. Два ДК. были старенькими и заброшенными, так как стояли достаточно далеко от нынешнего центра. Четыре других процветали не по профилю: часть помещений арендовали торговые фирмы, часть – всяческие консультации, но «новой крови» (то бишь молодежным творческим тусовкам) всегда радовались и находили небольшие подъемные средства.

Добраться до ближайшего Дома культуры не составило особого труда. Но в жизни чаще всего царит закон: «Мало затрат – мало прибыли». Значит, здесь мне не повезло. Пришлось отправиться дальше. И тут началось...

То, что со мной происходит время от времени, не поддается законам логики и рационализма. Это похоже на провал: где-то что-то искрит, шипит, не стыкуется, а в результате – я... шагаю по пыльному чердаку... Светит синее солнце ночных фонарей, струится пыль, выливаясь в странные восточные рисунки. Горят красные пятнышки. Сюда собираются на ночной шабаш крысы, и тогда их голые хвосты медленно вращаются, из стороны в сторону качаются головы, издавая мерзкое попискивание, словно будильник «Ракета». Или телефон? В темноте подвала зажегся зеленый огонек вызова.

– Алло, слушаю, – сказал я, удивляясь хрипотце своего голоса.

– На «четверке» до поселка, на «десятке» по нему. Третья остановка... гу-гу-гу-гу...
Тут включили солнце.

Район был тих, тенист, течет себе там время, и не замечают люди, что оно течет, только деревья вырастают, а дома окнами уходят в землю.

Старое обветшалое здание носило громкое название: «Дворец молодежи». Над крыльцом старая «вывеска» на белом холсте – «Добро пожаловать!» Я усмехнулся. Мимо промчался велосипедист, подняв клубы песчаной пыли.

Неохотно покурив, я вошел внутрь. Вместо подвального холода, который я боялся обнаружить, меня встретила легкая приятная прохлада и эхо моих же шагов. Словно из-под земли, вырос старичок-вахтер. Он был невысок, с острыми, заросшими ушами и густыми седыми бровями.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Здравствуй, милоч, – ответил он и, видимо, не почувствовав никакой вражды, спросил: – Небось, к ребятам в театру пришел?

Я только кивнул.

– Туда иди, по лестнице наверх, четвертый этаж налево или на крышу, оне туда часто лазют, – сказал он и исчез так же, как появился.

Я засмеялся. Эхо подхватило смех и разнесло по гулкому зданию. Удивляться я уже отвык. После знакомства с Лизардом столько всяких чудес стало совершаться, да и до этого я был «странным» человеком, по признанию друзей и подруг.

Четвертый этаж был завален декорациями, но пуст, зато со стороны чердачного люка неслась какая-то нелепая песня. Пелась она на английском языке, и я стал «врубаться», что это «Doors» Джима Моррисона, о котором в свое время я много читал и даже увлекся его стихами.

Тут раздался звон стаканов, я понял, что медлить нельзя, и достал из сумки бутылку «Белого портвейна».

– Либо это глюк, либо мираж, – услышал я чей-то голос, – портвейн разгуливает по ступеням. Это нереально.

– Он еще и прыгает, – добавил кто-то и засмеялся. В люке показалась лохматая голова, и меня принялись внимательно изучать. Видно, я понравился – мне протянули руку и пригласили:

– Влазь, комрад.

Повторять не пришлось.

На залитой солнцем крыше собралась пестрая компания. Плавающий гудрон был застелен широкой полосой полиэтилена с разноцветными пятнами в виде рыб, птиц, невнятных зверей, выполненных в манере индейцев. На этой блестящей полосе, собственно, все и восседали. Полоса блестела и переливалась, словно солнечная дорожка на воде.

– Влад, – представился парень лет двадцати пяти, в потертой джинсовой безрукавке на голое тело, с вьющейся черной шевелюрой, перетянутой голубой с белым узором тесьмой. Он сразу же сунул мне в руку деревянную чашу с вином. От теплого, нагретого солнцем вина разносился аромат, и теплота, проникшая в меня с первым глотком, сделала всех сидящих на этой крыше родными.

Лохматая голова принадлежала Ренату, в квадратных больших очках – Сергей – дядька, уже за тридцать пять, руководитель театра. В желтой футболке и защитного цвета шортах – Леха. Девушка с длинными белыми волосами – Людмила, с короткими русыми – Илона, и Ольга – самая эффектная в своем коротеньком сарафанчике цвета бирюзы. Не было лишь моей незнакомки. Зато был портвейн, жгучее солнце и новые друзья.

Чаша прошла по кругу, вслед за ней мчалась удалая «Visky-bar». Крыша казалась уже неким миром, где живут ваганты и менестрели со своими прекрасными спутницами. Небо было лучшей крышей, а ветер – лучшими стенами. Казалось, еще чуть-чуть, и мы оторвемся от...

хм... земли и на всех парусах помчимся открывать новые материки, так и не открытые никем за тысячелетия существования цивилизации.

Я не преминул высказать эту мысль вслух. Все замолчали. Ровно на секунду. Потом начался галдеж, выкрики, кто-то кинулся вниз. И через пять минут «Бригантина» стояла «на стапелях», готовая к отплытию. Славные ребята, они любили театр за открывающуюся возможность играть. Играть во все что угодно, но искренне веря и заражая своей верой других. Я был назначен юнгой, так как отправлялся в свое первое путешествие. Тем более Вселенское. Даже тихая Людмила казалась по сравнению со мной старым морским волком, не хватало только трубки во рту, которую она немедленно вытащила из нагрудного кармана. Бутылка шампанского ударилась о борт. Крики «ура!» заглушили на мгновение шум моря, и «Бригантина» отправилась в путь под «Yello «brigantine» битлов. Паруса раздувались попутным ветром странствий. Команда выполняла приказы капитана деловито и слаженно. Мне как юнге пришлось открывать портвейн. В скором времени мы пересекли экватор. К нам на палубу явился Нептун с трезубцем и окатил нас освежающей водой с головы до ног. Одежду пришлось развешивать на мачтах. Никто не смущался, даже капитан, оставив на себе из одежды только фуражку и плавки. Русалки пели нам под шум ветра старинную балладу о юном рыбаке, влюбившемся в звезду и уплывшем вслед за ней по ночному небосводу.

Вскоре мы нашли небольшой островок, на котором росли винные деревья. Окрестивши его «Wineland» и пополнив свои запасы, мы отправились прямо в закат...

Закат приближался рывками через сети коммуникаций и лабиринты городов. Он искал нас, мы ждали его. И вот – багровый взорванный горизонт стал уходить, темнеть, закрашиваться ночью...

Тихонько зазвенела гитара, боясь потревожить лихим аккордом мгновение Перехода. «Бригантина» тихонечко ударилась бортом о пристань. Команда была отпущена на берег до следующего путешествия, но прежде каждый убрал свой «пост». Мне как юнге досталось больше всего, хотя, нет, я сам старался помочь всем и каждому, а может, просто хотелось отодвинуть минуту расставания.

– Заходи еще, старик, – сказал Сергей, повесив на плечо рюкзак. И, пожав мне руку, растворился в темноте.

Остальные ребята тоже разбежались. Рядом остались только Ольга и Влад. Ольга жила в центре, в трех остановках от меня, а Влад просто решил проводить нас до остановки. Подъехал пустой автобус, и Влад, посадив нас в него, махнул рукой и скрылся из вида.

Проводив Ольгу, я бегом кинулся домой. Нет, я не торопился, просто было здорово бежать в ночной прохладе под смешанным светом луны, звезд и фонарей. Бег вне круга. Бег свободы, молодости. Просто мчаться так, чтобы ветер свистел в ушах, наслаждаясь силой и послушностью мышц. Просто бег...

Этой ночью я тоже бегал, но как резко изменилось все! Сон, состоящий из тревоги, лестниц и темных переходов. Срочно нужно попасть куда-то, где решается что-то очень важное для меня. Но сделать это практически невозможно. Жара, знойная жара, – тягучий воздух, зов, шорохи. Усталость обволакивала, ноги уже не слушались. В конце концов просто упал и заплакал от бессилия.

Проснулся я с тем же ощущением разбитости и безнадежности.

Гремели двери, соседи шли на работу. Глуховатый старичок, тот, что жил за стеной, рассказывал кому-то, что у него опять подскочило давление и он трижды за ночь вызывал «скорую». У кого-то бубнило радио. «Мерзкое утро», – подумал я.

Подниматься не хотелось, поэтому подъем был перенесен на N часов. Закурив и наблюдая, как дым собирается под потолком, я дотянулся до полки с книгами, вытащил первую попавшуюся. Оказалось, что это «Легенда об Уленшпигеле» – одна из моих любимых. Я погрузился в чтение. Я читал и ждал. Чего? Сам не знаю. Может быть, знамения. Или вредного

мистического звонка. Или... Но ничего не происходило. Час за часом, и я уже целиком был увлечен перипетиями книги, ударил гром, и яркая вспышка молнии осветила мой угол. Забарабанил дождь, и вдруг я услышал ритм новой песни, нового дня и понял, что нужно делать. Быстро одевшись, я выбежал под дождь.

Дождь лил, как из ведра, холодный, пронизывающий ливень. Ветер дул в лицо, а я все шел к своей цели, радуясь, что хоть что-то делаю.

В электричке, по крайней мере в этом вагоне, почти никого не было. Выжав футболку в тамбуре и покурив, я зашел в вагон, сел на деревянную скамью и уставился в окно. Куда я ехал и зачем, я не знал. Это было совсем неважно. Главное, я согрелся, а за окном громыхал гром и сверкали молнии. Так, под стук колес, я задремал. И снилась мне, зеленая трава в вечерней росе, закат во все небо и огромный валун. Я чувствовал запах, идущий от травы, и счастье, что я сейчас именно здесь. В этом месте. И вроде бы тихий разговор. Только вот чей? А солнце застыло и висело в небе...

Когда я проснулся, за окном уже стемнело, одиноко горел фонарь, высветив желтый круг. В круге света по-прежнему моросил дождь. Электричка не двигалась. Вагон был неосвещен и пуст. Наверное, меня не смогли добудиться. Такое случалось раньше. Словно кто-то выпивал все силы. Кровь стыла, и я засыпал. Иногда, конечно, такое случалось и во время веселых кутежей с друзьями. Я ничего не помнил, но вдруг оказывался то на стройке, где-нибудь этаже на третьем, и долго бродил в поисках лестницы, которая почему-то никак не отыскивалась. Приходилось прыгать в снег на свой страх и риск. То еще хлеще: начинал играть в прятки, и люди, пройдя и обыскав весь блок, видели меня у себя за спиной, я махал им рукой и... исчезал, а поиски начинались сначала. Мистика. Порой даже я сомневаюсь, что все это случилось на самом деле...

Курю. Ветер раскачивает фонарь, а дождь вроде стих. Опять хочется спать.

– Хватит, соня, – послышался знакомый голос.

– Лизард?

Еще минуту назад в вагоне никого не было, а теперь он стоит, как ни в чем не бывало, с гитарой в руках, и изморось вплетает седину в его волосы, и вроде бы он старше...

*«Зимнее солнце, уставшее солнце,
смотрит с небес.
Белые хлопья летят то ли вверх,
то ли вниз.
Город озяб и охрип в ожидании чуда.
Притих.
Лёд под ногами. Лёд
на ресницах твоих.*

*Шум за окном.
В шорохе ветра твой последний стон.
Кто-то ушел,
и его уже не вернуть.
Чашечка кофе
в старом уютном кафе.
Расстрелять в ночь
все свое тепло.*

Снова зима берет тепло. Твое и мое...» —

пел Лизард. И музыка была нежной и тревожной одновременно. Какой-то надлом был в этом «расстрелять в ночь все свое тепло».

– О чем это?

– О чем? Не знаю. Честно. Художник выражает ощущение мира в тот или иной момент. Тогда, когда это писалось, я пил кофе и вспоминал своих друзей на маленькой кухне. А толчок ко всему – зимнее, усталое солнце. Ты заметил, какое оно зимой, в конце января? Тусклый, грязно-желтый, апатичный ярлык. словно солнце, устав, поставило вместо себя манекена-робота, написав у него на груди «Я». Вроде есть оно, а вроде и нет. Ладно, пойдем.

И мы пробирались сквозь какие-то немислимые заборы и кусты. Спускались и поднимались по раскисшей земле оврагов. И наконец выбрались к какому-то зданию. «Кажется, здесь», – сказал Лизард, подойдя к двери в подвал.

– Осторожнее, темно, первая ступенька качается, – предупредил он, и вовремя. Я чуть было не скатился вниз по слишком крутым ступеням. Лизард тем временем продолжал:

– Под этим домом когда-то было бомбоубежище, звукоизоляция – кайф, в доме ничего не слышно, ну, и ребята слегка заняли это место. Прикольную музыку играют, и вообще, общаются в кайф.

Бомбоубежище было достаточно большим. Слабо освещенное помещение не создавало того уюта, какой бывает обычно при таком свете. Скорее было голо и серо. По потолку струился сигаретный дым в количестве более чем достаточном, чтобы накуриться. Легкий запах «травы». Курили, но «достаточно времени назад», а может, мне это просто чудилось. Плакаты на стенах, и на удивление чистый пол. Четыре комбика, небольшой пульт, раскладушка, «аппарат» на класс выше «среднестатистического». Никакой звукоизоляции. Звук должен здесь прыгать и создавать страшную какофонию. «Тесловский» магнитофон на восемь дорожек со снятой крышкой. Самодельные полки с проводами, паяльниками, стаканами и прочей дребеденью, то есть, извините, другими необходимыми мелочами. Горой сваленные чехлы в углу, на которых кто-то спал. Очень тихо звучала музыка, что-то похожее на «Dead can dance», просвещенные ребята «Дэнс», конечно, не Том Уэйтс, и тем более не «Nine Inch Nails», но по-прежнему андеграунд.

– Это не «Дэнс», – словно угадав мои мысли, сказал Лизард.

– Но ведь похоже на «Птиц».

– Это только вступление, слушай дальше.

Мы уселись на комбиках, закурили и стали слушать «Восход солнца», как мысленно я обозвал вступление. Вдруг появился стук, сначала издали, приглушенный, он нарастал, ширился, и вдруг совершенно неожиданно вступил бас. «Клацающий» звук слэпа. Синкопа. Очень короткая фраза, пауза, в которой слышно эхо, и вдруг еще одна такая же четкая фраза. Паузы все сокращались. И вот запульсировал, забился резкий ритм, впелся в него ударник. Что это, буйство африканских ритуальных барабанов или бешеная пляска шамана? Так же неожиданно – гитара с «примочкой», и следом же – соло-гитара с «вау-вау». Нарастает. Стихия. Полет в бурю. Эмоция. Чистая колдовская энергия. Пьянит. Рвет в клочья дым усталости. Стискиваю зубы на очередной сигарете в ожидании развития. Ну, куда же еще круче? Хорал? Все, потерялся, исчез, растворился. Мощь окружающая, жгуты энергии, разрывы ее, будущее и прошедшее – все нереально и реально...

– Эй, очнись, – чей-то голос пытался вырвать меня из этой эйфории, мощи, силы, Энергии. А, чего хотите?.. Приоткрываю глаза – Лизард. Кто же еще? Ненавижу, потому что знаю, такое не повторится, поэтому так и говорю:

– Ненавижу тебя.

– Нормально, – изумлен, – и за что?

– Ты меня вырвал из... – и тут понимаю, что, кроме глупых, банальных фраз, ничего не могу придумать. Осталось только ощущение, музыка развеяна, то, что было, останется

еще недолго в какой-нибудь из четырех миллиардов ячеек мозга. Потом постепенно начнется линька этого фрагмента жизни. Уже завтра он будет другим. И так изо дня в день, как любое воспоминание, обрстет ненужными подробностями и воспоминаниями других эпизодов, сравнениями, глупыми ненужными сомнениями. Не останется этого ощущения, будто и не было его. Все – «финита ля комедия».

– Из чего? – спросил Лизард.

– Из ощущения.

Говорить больше не хотелось. Хотелось забиться куда-то в угол и курить, курить, курить. Что я и сделал. Лизард, наверное, меня понял, потому что взял бас, включил комбик, не обращая на меня внимания, и ударил по струнам. Короткая слэповая фраза. Пауза и еще одна. И еще. И вот я опять парю где-то в Энергии. Смеюсь и радуюсь. Я снова здесь, с вами, хочется кричать от счастья. На меня надвигается что-то багряное, но нет беспокойства. Это мое будущее. Но картинка не проясняется, а словно отодвигается. Энергия гаснет, тускнеет, я без поддержки па-да-юуу...

«Из темноты выплывают глаза. Два странных желтых глаза с вертикальными зрачками. Исчезают и снова появляются из-под век, коими является темнота. Моргнули снова и вдруг стали засасывать, вбирать в себя, тормозя падение. Вырваться – это только сон, только глупый странный сон. Дернулся в забыты... и очнулся на полу, сверзившись с комбика, и тут же, не обращая внимания на боль в колене, бросился бежать, не соображая, где я, к выходу. Теперь вверх по лестнице, быстрее, сзади топот. Покачнулся на последней ступеньке, не удержался и пропахал на брюхе лестницу. И снова, сначала на коленях, цепляясь пальцами за ступени, лезу вверх, обдираю ладони, головой открываю дверь, буквально вышибаю ее и падаю в грязь. На четвереньках убегаю. Ливень, через некоторое время останавливаюсь на какой-то улочке, выложенной булыжником. Ветер бьет в лицо струями дождя, словно умывая. Прихожу в себя. Встаю. Дождь и слезы смешиваются на лице. Одиночество и безнадежность. Волосы налипли на лоб. Реву, как маленький. Кричу что-то бессвязное в небо. И давлюсь своими слезами и хрипами. Хочется выть или биться о стены, или просто ползть от бессилия. Падаю на колени и кулаками о булыжник.

Вдруг кто-то поднимает за плечи. Лизард. Только одно слово – брат. И он стоит такой надежный и крепкий, родной... Утыкаюсь ему в плечо. И реву... Слезы иссыкают, дождь успокаивается.

– Успокойся, все о'кей.

– Пусто, все вокруг пусто. И внутри пусто. Я, наверное, уже никогда не смогу закрыть глаза.

– Не бойся. Слышишь? Все уже кончилось. Все будет хорошо, ты выкарабкался. Люди искусства похожи на ныряльщиков. Но некоторые ныряют слишком глубоко..., ты выплыл.

– Знаешь, это как... звонят в дверь, открываешь. А там – пустота.

– «За открывшейся дверью – пустота, это значит, что кто-то пришел за тобой». Ты заглянул в мгновение жизни, мгновение реальной жизни, а оно сродни смерти.

Он подтолкнул меня вперед.

– Некоторые живут без страха смерти. Как бессмертные. Иногда мне кажется, что знай мы час смерти – мы успевали бы больше. Подстегивает это тиканье мгновений. И жизнь вдруг приобретает стремительность – не конечность, а именно стремительность. И вкладываешь в каждый миг душу...

Мы шли по этой улочке, выложенной булыжником, в рассвет. Лизард говорил о Смерти, Жизни, Мгновениях, Ощущениях. Дождь почти закончился. Блестел и играл город в лучах Восходящего без усталости Путника. Взрывался росой, на стеклах играл самоцветами, окрашивал в кровавое и розовое еще один день Жизни...

Как-то незаметно мы возвратились к бомбоубежищу.

– Пойдем, – сказал Лизард.

Меня охватил страх, впечатления от происшедшего еще не стерлись и были слишком яркими.

– Не бойся, – произнес он, – ну же, вперед.

В этот раз я спускался первым, чувствуя за собой силу, перед которой спасует любое лихо. В помещении уже звучала музыка, вернее, не совсем музыка, чего-то не хватало. Я распахнул дверь...

– Ты знаешь, чувак, мы все думаем, что нас по большому счету не существует.

– То есть?

– Ну, как-то нам всем вместе приснился один сон. Будто какой-то чувак и мы играем чумовую музыку. Причем странно так – он нам наброски на кассете подкидывает, вокал и мелодию. А сам появляется раз от разу все реже и реже. И вот он исчез. И у всех возникает мысль, что он влип. Ну, то есть нехорошо с ним. Там же во сне мы бросились его искать.

– Ну и?..

– Ну и нашли. В больничке. Вены вскрыл... Самое интересное – мы тогда друг другу не знали. Так только, через каких-то знакомых, понаслышке. Каждый чего-то по своим углам отсиживался со своими идейками. А тут глобальный «бездник». В целях экономии средств собрались на природе. Там и увидели воочию друг друга. Ну и как-то слово за слово, про сон всплыло... А тут, недавно совсем, еще один сон, будто чувак за столом, что-то пишет, причем чувствую: в том мире мы от писанины дематериализуемся. А потом этот чувак в ванной заперся и давай листочки эти жечь. Не знаю, как другие, но я от боли заорал. (Вот, ожог, кстати, не было ничего, себя не жег, не придурок). Ну, я как буд-то браткам – «help», мол, горю! Ну, собрал всех, во сне, конечно, и нему, к чуваку этому. Бумагу вырвали, водой залили – объяснили что к чему, а он спорит с нами, будто видит. Говорит: мол, простите, герои должны погибнуть. Мы, естественно, не согласные на это дело, так ему и заявляем. Ну, он листы в мусорное ведро выкидывает. Да от рукописи ничего не осталось, он, видно, чернилами писал, все размыло. Вот так. Так что иногда закрадывается мысль – а может, мы правда лишь писанина, а? Лизард, ты как думаешь?

– Ну, если вы писанина, то весьма своевольная, – не хотим исчезать и все тут. Пожалуй, если это и впрямь Писатель, он бы вас скорее всего все-таки уничтожил.

– Лизард, слышишь, а вдруг в самом деле?

– Допустим, наш автор исписался, да?

Мы подтвердили:

– Да!

– Ну, на пару страниц его еще хватит, – сказал Лизард и вытащил бутылку вина. – Эту бутылку он опишет так: «Они пустили по кругу бутылку из зеленого стекла, и скоро она опустела». Эй-эй, оставьте хоть глоток.

Все захохотали. Лизард допил последний глоток.

– А если серьезно, кто знает? Может, уже есть книга, в которой и мы, и наши судьбы, а может, сейчас кто-то сидит и записывает в некую Книгу наши слова, но... есть и третий вариант – своей жизнью мы сами и заполняем страницы Книги. Кто знает?

– Привет, ребята!

В комнату впорхнула девушка лет двадцати. Ладную фигурку обтягивал джинсовый комбинезон. Пшеничные волосы свободно падали на плечи. Белые кроссовки и фенечка из черного бисера на руке дополняли картинку.

– Здравствуй, Лизард! – девушка подошла и звонко чмокнула его в небритую щеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.